

ПРИЕМНАЯ СМЕНА

- Можно ли жертвовать Молоху клонированных детей?
- Можно. Но каждого из них ты должен любить как своего первенца.

Отрывок протокола спиритического сеанса

Утренний ветер из степи отнес рудную пыль к Вратам, и воздух казался почти нормальным. И уж точно прозрачным. На тухлый запах коксового цеха никто не обращал внимания – тот оставался даже в самый сильный дождь.

Гудок заставил притихнуть все прочие шумы завода. Мастер, ширококостный исхудавший мужик лет сорока, перебежал дорогу. Его ботинок застрял в грязи, а сбоку наезжала полуторка. Он еле успел схватиться за поручень и вжаться в щель между кирпичными колоннами. На секунду прикрыл уставшие глаза и понял – это был его сегодняшний миг. Значит, до завтра еще можно жить. Креститься по таким поводам он отучился уже очень давно.

Лестница, другая – перил или нет, или они сделаны из самого занозистого горбыля. Вот и дверца с маленьким окошечком. Цеховой пост. Стол, скамейки, окно и портрет вождя. По времени он не опоздал, только в комнате почти пусто.

- Андреич, заходи! – Гольдштейн увлеченно щелкал рычажками арифмометра, однако его заметил. Рядом лежала старая газета, исписанная формулами.

- Где наши?

- На второй печи, тамошнему мастеру показалось, что лещадь не туда прогорает, - в прошлом бухгалтер, он умел говорить и считать одновременно.

- Черт!

Лучше бы Буйносову показалось. За «кажется» его взгреют, но терпимо, а внеурочный капремонт – это расстрелы. Андреич поежился.

- Кстати, кто вчера?

- Двое несовершеннолетних в литейке под брызги угодили. Н-да... На первой печи ты сегодня?

- Я, кто же еще? Сирень здесь еще не показывался?

- Нет, он для нас пунктуальный слишком, - даже законопослушный фаталист Гольдштейн язвил насчет Сирени.

- Ладно. Передай Иванычу: придут новые скипы для колошника – я первый на очереди. Хотя нет, я сам запишу, - и он мелом на старой школьной доске, висевшей здесь же, написал запрос.

- Слышал, вчера вечером кругосветка вернулась? Байдуков слетал на двадцать пятом АНТе. Планетка-то пустая.

- И чего видал?

- Горы, там, леса, ни дорог, ни городов. По радио было, а завтра, говорят, в «Известиях» фотографии напечатают.

- Значит, не соврали колдуны.

- Да какие колдуны? Просто случаем управляют, - по этому вопросу он всегда повторял официальные статьи академиков, - И еще, пятаю механизированную от Врат убрали.

- Кто ж на воротах?

- Шестнадцатая гвардейская с приданными частями. А тех вроде как на фронт.

Мастер только кивнул и вышел. Вечно у «бухгалтера» глаза квадратные. Сводку Андреич слушал утром – ничего серьезного не было.

На улице пыль уже закрыла фиолетовое небо. Андреич все никак не мог привыкнуть к этому небу – за Вратами. И раздвоенная трава его уже давно не удивляла, и сизые жаворонки, которые воробьев наглей. А небо всё никак в память не входило. Всё казалось, что перебрал накануне.

Когда он выходил из тесных проулков между вспомогательными цехами, росшими у основного здания как ракушки на корабельном днище – родной доменный каждый раз будто выпрыгивал из-под земли. Громадина с длинным горбом окна-«фонаря» на крыше. А изнутри этой громадины выступали конусы печей, на каждом из которых угнездились переплетения колошниковых труб. Цех грохотал, визжал, бил металл – и снаружи эти звуки не были тише, чем внутри. Как все последние полгода.

У сарая, который был за бытовку, толклись мужики из его смены. Неклясов. Падалко. Сменедяев. Крутых. Они торопливо доедали свои пайки. Остальные либо уже были в раздевалке, либо на местах.

- Здорово. И ты. Скоро будем. А, Яркин, вот ты где: еще раз на верхнюю площадку без противогаза полезешь, всю смену с хоботом ходить заставлю.

- Да понял, я понял.

- Я серьезно.

Безусый паренек был две недели как из училища, за ним присматривали и воспитывали все вместе.

Внутри с прошлого раза ничего серьезно не поменялось. Механизмы на месте и только маг, в своей фиолетовой мантии, на которую не садилась ни одна пылинка, теперь стоял

поблизости от слива чугунной летки. Сегодня на нем была рыжая дурацкая шапка, походившая на драгунский шлем со старой картинки.

Надо было за десять минут оббежать все сложные места и принимать смену у Калибова. В итоге он прибыл на печной пост, который прилепился к внутренней стене цеха, и расписался в журнале, сделанном из школьной тетрадки. Было видно, что за последние недели Калибов сильно сдал. Еще сорока нет, а голова почти вся седая и глаза запали.

Но Андреич знал, что и сам выглядит не ахти, а ведь он постарше будет.

Пока еще было время – можно было поговорить с магом.

- Там все в порядке? – мастер кивнул в сторону горна.

- Да, - маг не менялся в лице и всегда говорил так, будто в пятый раз наизусть повторял школьнику таблицу умножения, - Он родится через три часа.

- Хорошо.

Началась беготня в полную силу. Предыдущая смена начала засыпать другой состав шихты, но это было только полдела. Надо было снижать давление в печи, и добиться, чтобы её низ, горн, там, где обычно накапливался чугун, перестал походить на баллон с газировкой. Надо было принимать первые холостые, почти без чугуна, спуски шлака. Мастер вился вокруг домны, будто пчела вокруг цветочной клумбы. Поправлял, приказывал. Смотрел на стрелки манометров – регулировал дутье. Открывал заслонки смотровых глазков. И пытался не просто понять, но почувствовать, что сейчас там – внутри. Он, наверняка, и чувствовал. Без этого невозможно играть на печи, как на баяне, выдавая чугун по норме.

Андреич, отдавая команды и прикидывая в голове все мелочи, еще умудрялся подумать, как здорово было бы выращивать гомункулов не в домнах, а в мартенах. Там ведь все так хорошо – открытая ванна, почти как аквариум. Растить - не хочу! И вольфрама бы в скрап добавляли, и молибдена, и всех прочих присадок. А, главное, выход гомункула к людям. Без родов этих дурацких, без риска.

Но металлический гомункул мерз в мартене. Восьми часов в жидком металле было совершенно недостаточно. Чтобы вырасти, ему нужны были две полных недели огня. Его нужно было взбивать и вымешивать, как тесто. До самых последних минут гомункул был просто налетом на стенках горна.

Потому домна была колыбелью для будущего солдата. А мастеру доставалась беготня и мысли о тысячах пустяков. Видел Иваныча, но переговорить не удалось – тот бежал к бункерной эстакаде, там были проблемы.

Скоро засуетился и маг. Подходил ближе к кожуху печи, прикладывал руки, будто слушал, портом снова отходил. Андреич на этот раз заметил то, чего не замечал раньше. «Сирень» смахивал на поломанный маятник и своими неровными подходами-отходами медленно раскачивал существо внутри.

За час до родов прибыли товарищи из особого отдела. Заняли своё обычное место у бака с водой. Три обладателя фуражек с синим околышем. Капитан и лейтенанты. Бывшая солдатская косточка - выправка и медали. Теперь к этому прибавилась бдительность. Правда, мастер совершенно не мог представить их на параде или при награждении: они,

как и все остальные в цеху, махнули рукой на блеск значков и ботинок. Оттого казались местными.

За полчаса привезли ковши под шлак и, на всякий случай, изложницы для чугуна. Когда поезд с вагонами-ковшами, проходил на своё место, цепь с кран-балки ударилась о борт, качнулась, и задела Петра. Крюк ударил его по ноге, как-то подломил её и зацепил. А крановщица, которая сидела в своей кабинке у самого потолка цеха, как раз поднимала цепь, чтобы перетащить формы-изложницы.

- Опускай!!! К полу!! – заорали крановщице со всех сторон. На посту старик Симонов пытался докричаться до неё по внутренней связи.

Но эти вопли казались совершенно неважными, напрасными попытками. Видно было, что Петро потерял сознание и болтается на цепи, как кукла. Андреич тут же, не думая, бросился к магу.

- Отпусти его!! Это горновой!! Без него ничего не выйдет, - он держал его «за грудки» и что-то еще кричал. Но мастера уже оттащили особисты и, завернув руки, повалили.

Маг посмотрел сквозь него, и пока он смотрел, грязные следы с мантии осыпались на пол.

- Это не моё. Про горнового понимаю.

Тут как раз цепи пошли вниз, и Петро стал опускаться прямо в руки набежавшей кучки людей. Особисты соображали быстро: конфликт исчерпан, без мастера печь оставлять нельзя. Потому отпустили его и помогли подняться.

Все всё понимали, но легче от этого не становилось.

Андреич бросился к маленькой толпе. Петро был жив, но из штанины торчала кость, а по этой кости текла кровь. И время! Время!

- Костюков, Магомедов, тащите его к медикам. Семендяев, с молотком справишься? Точно? Туда! И хватит толпиться! - сам Андреич, разогнав народ по местам, бросился на пост. Распахнул окна, чтобы было не только видно, но и можно было докричаться до горновых. Когда рождался гомункул, управление подачей дутья и шихты в печь мастер не доверял никому.

Пневматический молоток у них был хороший, новый, ездил по специальной колее. Управляться с ним мог и один человек. Только вот с большой, нештатной леткой, через которую должен был выползти гомункул, одного человека было мало. Семендяев подвел жало молотка, дал воздух. Горновые со своими «кочергами» готовились расчищать слив. Включили большой вентилятор, чтобы хоть как-то охладить рабочий пятачок.

Маг подошел и стал рядом.

А металлическому солдату уже было тесно в горне. Крошечная примесь висмута в жидком шлаке сильно не нравилась ему. Он перестал быть налетом на стенках горна, слепился в комок.

- Давай!

Удары железа, резкие выдохи компрессора, и то полуметровое отверстие, которое замазали три недели назад – открылось. Шлак брызнул. Через минуту разбили и остальные летки.

И вот в потоках светло-желтого, почти белого, яркого от жара шлака, показалось что-то вроде щупалец. Они были такими же светящимися, и на вид очень хрупкими. Потом, почти мгновенно, поток шлака остановился, и всю летку заняло перекрученное, аморфное нечто.

Андреич прокричал очередную команду, и молоток быстро отодвинули. Теперь за горновыми встали несколько человек с брандспойтами. Мастер уже давно требовал сюда жидкого азота – чтобы мгновенно прихватить твердой скорлупой раскаленную тушу гомункула, если что пойдет не так. От воды металлический болван терял подвижность только секунд через десять. На четвертой печи месяц назад такой бунтарь успел смять мага и обоих горновых. Только азота, видно, до победы ждать.

Гомункул вывалился, наконец-то, из канала летки. И теперь, омываемый шлаком, лежал прямо на сливе. Горновые стали подтягивать установку, которой заделывали летку.

Маг, не обращая внимания на загорающуюся и тут же гаснущую мантию, подошел почти вплотную к гомункулу. Он уставился на оживший металл, будто требуя ответа. И тот почувствовал взгляд. Встал и начал медленно изменять форму, принимать человеческий облик. Это не было полным анатомическим подобием. Скорее общими очертаниями. Будущий солдат был чуть выше мага, и казался куклой рыцаря в доспехах.

Сирень чуть шевельнул пальцами.

- Сейчас!

На тросах была подвешена «метла» для клеймения, и теперь она качалась совсем близко. Четыре десятка тонких трубок, готовых выплюнуть ту же самую воду, что была в брандспойтах. Они оканчивались маленькими форсунками и напоминали щетку. Семендяев схватился за её ручки, как за пулемет, подвел её к бедру гомункула и нажал рычаг.

Металлический человек дернулся, и на остывающем металле появились точки – номер изделия. 217892. Мастер никогда не одобрял таких длинных цифр, когда за глаза хватало бы трехзначных. Ну да при чем здесь это?

Маг попятился от жара печи, и гомункул, прошел вслед за ним, не отступая ни на шаг. Когда они вышли на свободное место, Сирень замер, прикрыл глаза и, казалось, заснул. Металлический солдат стоял перед ним, изредка подергиваясь, совершая странные машинные движения, но в целом, неподвижно.

Мастеру было не до того. Он снова чувствовал печь, как шоферы чувствуют свою старую машину на разбитой горной дороге. Надо было проверять надежность заделки, переходить на нормальную шихту, поднимать давление и при том следить, чтобы в распаре не было подвисания.

Когда через пару часов можно было перевести дух и оглянуться, гомункул уже почти остыл. Во всяком случае, рядом с магом стояли особисты, а значит, этот конкретный

экземпляр пойдет на фронт. Магам достанется следующий. Точно – капитан уже и командный браслет получил.

Гомункул не блестел как полированная сталь, а скорее походил на застывший алюминий – его покрывала грязно-серая неровная пленка, будто пенка на металлическом молоке. С будущего солдата осыпались последние пятна шлака. И он был не простой отливкой. Гомункул теперь бодро махал руками, приседал и наклонялся – явно по командам мага.

Это был живой сплав – раны на нем зарастали как на человеке, и даже лучше. Такому ничем любая пуля, осколок и даже прямое попадание из сорокапятки. А от снаряда в сто двадцать миллиметров он всего лишь потеряет подвижность на несколько дней. Восстанавливаться будет. Этого солдата не взять ничем, кроме как прямым попаданием двухтонной бомбы.

Андреич чувствовал в себе черную пустоту пополам с мрачным удовлетворением – будто из него выпустили всю кровь и в этой крови закалили первоклассный клинок, которым точно смогут убить врага.

Позже, когда приемщики ушли, а все были заняты своими проблемами – мастер столкнулся с магом. В закоулках между большими газопроводами Сирень будто соткался из пустоты.

- Ты слишком меня ненавидишь.

Андреич в ответ промолчал. Его жизнь стоила меньше жизни мага. Во много раз. Оставалось только утереть лицо рукавом латаной спецовки и ждать.

- Не притворяйся. Я знаю. Твоя ненависть такая резкая, что ты даже хочешь пожаловаться на меня моему же начальству.

Мастер набылчился. Не чувствовал он за собой такого желания. И то, что маги иногда читали мысли, не имело никакого значения.

- Оставь пустые эмоции. Ты не убьешь меня. И не нажалуешься. Представь, что у меня нет начальства. До него нельзя дозвониться.

Между ними вдруг возникло полупрозрачное окно, и оттуда раздался мелодичный женский голос: «Абонент временно проклят или находится вне зоны действия сознания. Абонент временно...».

Пока Андреич пытался сообразить, что это такое, маг исчез. Как вынырнул из ниоткуда, так и скрылся куда. Мастер понял только, что его предупредили.

Надо было снова бежать на колошник.

Наверху, когда выдалась свободная минута, можно было посмотреть на мир вокруг. Домна еще оставалась самым высоким строением в этом мире. Ближний круг – завод. Коробки и пеналы цехов, блестящие пятна прудов-охладителей с водой из артезианских скважин. И люди повсюду. Мастер бегал по заводу почти круглые сутки, здесь же и жил, в приземистых бараках у северной стороны. Вторым кругом шла бесконечная стройка. Другие заводы, жилые дома, коробка нормального аэропорта. По этому кругу только начинали ветвиться нитки железных дорог, но по их блестящим колеям уже бегали маневровые паровозы. Все колеи, будто сосуды к сердцу, сходились к Вратам. К темному стометровому пятиграннику, непонятно откуда возникшему посреди ровной как стол

степи. Темному, потому как на Земле сейчас ночь. Только иногда темноту пересекали лучи зенитных прожекторов да мелькали, почти невидимые отсюда, огоньки фар.

Маги открыли эту дорогу. Им тоже нужны металлические солдаты. Быстро. А в жерлах вулканов они растут годами. Только почему их надо делать здесь? Чем хуже Урал?

Андреич решил, что он сейчас слишком много думает. Еще раз оглянулся на темно-зеленую степь, которая у самого горизонта бугрилась холмами, и начал спускаться.

На посту его ждал один из лейтенантов-особистов. Тот, у которого не было левой кисти, а только «казенная», сжатая в кулак, перчатка. Стоял, смотрел в окошко на цех внизу, курил. Фуражку в маленьком помещении он снял. Выше грязного от черно-рыжей пыли лица виднелась чистая полоска кожи, это делало его похожим на шахтера. Куравлевский, так его фамилия.

Старик Симонов, кивнул мастеру, и вышел.

- Я поднимался к потолку цеха. На работницу смотрел, - особист старался своим спокойствием походить на мага, только у него это не очень получалось, - По документам крановщице сорок шесть лет. А в кабине молодая женщина.

- Правда. Её дочь. Семнадцать лет, - Андреич не видел повода скрывать проблему, - Мать дома. Язва, легкие не в порядке и еще куча проблем. Я целиком не в курсе. Если питание по низшей норме будет, она и месяца не протянет.

- То есть ты неграмотную девчонку на кран посадил? – особист даже удивился такой откровенности.

- Почему, неграмотную? Она около завода с десяти лет. На горячих производствах уже года три вертится. Еще на Магнитке была. А по согласованию...

- А нормально этого нельзя было сделать!? – перебил его лейтенант, - Думаешь, у меня глаз нет? В прокатных цехах мальчишек пятнадцати лет вальцовщиками брать стали и каждую неделю там смертельные случаи. Если она за крановщицу умеет, так поговори с профоргом. Её с руками оторвут. Если сам не можешь, к нам обратись – в чем дело?

- Возьму-то то сразу, а карточки нормальные только через месяц будут, - мастер смотрел в пол, - А так она уже две недели, до круглого срока дорабатывает, чтобы все без перерыва шло. Вроде как производственная практика. Секунду!

Он спинным мозгом почувствовал, что пора. Схватился за трубку и вызывал Неклясова.

- Сколько у тебя воздуха идет!?

- Семнадцать, второй каупер, где-то триста двадцать, - проскрипела в ответ трубка.

- Да знаю, что второй, давай шестнадцать – а то остынет!!

Мастер положил трубку и снова уставился в пол.

- Ладно, - особист загасил бычок, - Проехали. Тут другое, ты зачем на союзника с кулаками полез? Ну полный идиот, кретин! Он тебя ведь по стенке размазать может. Или ты от инфаркта сдохнешь. Вдохнешь и не выдохнешь. И что ты там кричал насчет «отпусти»? Думаешь, что несчастный случай - это плата?

- Это не плата.

- Ты меня за дурака не держи – я нынешние предрассудки хорошо знаю. А еще образованный человек! Думаешь, они жизнями берут плату за боевые изделия, за роботов, и каждый человек раз в сутки головой расплатиться может? Думаешь, теперь так всё делать будут? И танки, и самолеты?

Мастер ничего не ответил.

- Так как?

- Подобные рассуждения считаю неправильными. Вредными, - сказал Андреич официальным тоном, не поднимая глаз.

- Уже лучше. И что я тебе скажу, это не колдовство и ничего подобного, - он будто раздавил блоху между ногтями, - идеалистического. У них просто другая технология, они все построили на управлении случаем. И смерти, это только побочный эффект. Технический брак. Не веришь?

- Верю.

Его последнее заявление слишком уж явно отдавало фальшью, хотя Андреич старался.

- У наших получилось сделать что-то подобное, - особист видно решил, что собеседника надо агитировать не в лоб, не приказами, а хоть чем-то подкрепить свои слова.

- Тоже солдат? - удивился мастер, - Роботов?

Тут зазвонил телефон. Мастер снова бросился к трубке.

- Андреич, ты? Тот скип подозрительный, его заедает! - громко проскрипели оттуда, - Скоро стать может.

- Я сейчас! – он повернулся к особисту, - Давайте быстрее.

- Не роботов, а оловянных клещей. Они любой припой в труху обращают. Их над Пруссией распылять начали. Пусть там электричество коротит и консервы пропадают, - он кашлянул в кулак, - Это уже практически не тайна.

Особист зачем-то вытряхнул фуражку, и молча вышел с поста. Мастер ушел сразу за ним, придерживав дверь для вернувшегося Симонова.

До конца смены ему оставалось два часа. Если особист не солгал насчет роботов, теперь Андреич мог потерять только свою жизнь. Не больше.